

Письмо к Ромену Роллану

(Расстройство памяти на Акрополе)

Уважаемый друг!

После настоятельных просьб написать что-нибудь в честь Вашего семидесятилетия, я долго старался найти какую-нибудь тему, достойную Вас хоть в каком-то отношении и способную выразить мое восхищение Вашей любовью к истине, Вашим мужеством откровенно заявлять о своих убеждениях, Вашей доброжелательностью и готовностью помочь. Или что-нибудь способное засвидетельствовать благодарность художнику, подарившему мне столько возвышенного наслаждения. Напрасно; я на десять лет старше Вас, моя продуктивность иссякла. В конечном счете я могу предложить Вам лишь дар бедняка, "знававшего когда-то лучшие дни".

Вам известно, что цель моей научной работы — объяснять необычные, аномальные, патологические проявления психики, то есть сводить их к действующим за ними психическим силам и выявлять участвующие в этом механизмы. Я опробовал это сначала на самом себе, затем на других, и в конечном счете рискнул замахнуться на человечество в целом. Один такой феномен, пережитый мной очень давно, в 1904 г., я никогда не понимал, но в последние годы он постоянно всплывал в моей памяти; до сих пор не знаю почему. В конце концов я решил проанализировать это небольшое переживание и сообщаю Вам здесь результат своего исследования. При этом я должен, разумеется, просить Вас уделить больше внимания сведениям из моей личной жизни, чем они того заслуживали.

Расстройство памяти на Акрополе

Я и мой младший брат имели обыкновение предпринимать тогда в конце августа или в начале сентября ежегодное пу-

тешествие, длившееся несколько недель и приводившее нас в Рим, в одну из областей Италии или на берег Средиземного моря. Брат на десять лет моложе меня, то есть Ваш одноклассник, — совпадение, которое только что пришло мне в голову. В данном случае брат объявил, что дела не позволяют ему долгой отлучки, он может отсутствовать максимум неделю, и что мы должны сократить наше путешествие. Тогда мы решили поехать через Триест на остров Корфу и наш короткий отпуск провести там. В Триесте он навестил проживающего там компаньона, я сопровождал его. Приветливый мужчина осведомился о наших дальнейших планах и, услышав, что мы собираемся на Корфу, стал нас усиленно отговаривать. "Что вы собираетесь делать там в эту пору? Там так жарко, что вам не удастся отдохнуть. Поезжайте лучше в Афины. Пароход Ллойда отплывет сегодня во второй половине дня, он позволит вам три дня осматривать город, а на обратном пути заберет назад. Это будет полезнее и приятнее".

Мы оба покинули триестинца в удивительно скверном настроении. Обсудив предложенный нам план, мы сочли его совершенно неподходящим и видели лишь помехи в его осуществлении, предположив даже, что нас не впустят в Грецию без въездной визы. Несколько часов до открытия бюро Ллойда мы, раздосадованные и растерянные, бродили по городу. Но когда пришло время, мы подошли к билетной кассе и купили билеты до Афин, словно это само собой разумелось, не беспокоясь о мнимых трудностях и даже не высказав друг другу, почему мы так решаем. Такое поведение было все же очень странным. Позднее мы признали, что предложение отправиться в Афины вместо Корфу мы при-

няли сразу и с охотой. Почему же тогда все время до открытия кассы мы пребывали в дурном настроении и мочили себе голову лишь помехами и трудностями?

Когда вечером по прибытии я стоял на Акрополе и мой взгляд впитывал ландшафт, мне вдруг пришла удивительная мысль: *"Значит, все это в действительности так, как мы учили в школе?!"* Говоря точнее, персона, высказавшая это, обособилась от другой персоны, воспринявшей данное высказывание, намного резче, чем обычно, и обе были изумлены, хотя и не одним и тем же. Первая вела себя так, будто она была обязана под впечатлением бесспорного наблюдения поверить в нечто, реальность чего ей до сих пор казалась сомнительной. Несколько преувеличивая: словно кто-то, прогуливаясь по берегу шотландского озера Лох-Несс, внезапно увидел перед собой выброшенное на сушу тело пресловутого чудовища и счел бы себя вынужденным признать: *"Значит, действительно существует она, морская змея, в которую мы не верили!"* Впрочем, и другая персона имела полное основание изумляться, потому что не знала, что реальное существование Афин, Акрополя и этого пейзажа когда-то было под сомнением. Скорее она была подготовлена к высказыванию восторженному и возвышенному.

Тут хочется сказать, что странная мысль на Акрополе лишь подчеркивает: мол, совсем иное дело увидеть что-либо собственными глазами, чем только услышать или прочитать об этом. Но в таком случае остается всего лишь необычная оболочка скучной банальности. Или можно было бы осмелиться утверждать: будучи гимназистом, некто считал, что убежден в исторической реальности Афин и его истории, но как раз благодаря неожиданно пришедшей в голову мысли на Акрополе он узнает, что тогда в бессознании не верил в это; лишь теперь он приобрел "достигающую бессознательного" убежденность. Такое объяснение звучит очень глубокомысленно, но его легче выдвинуть, чем доказать, и теоретически оно достаточно уязвимо. Нет, я думаю, оба феномена — дурное настроение в Триесте и внезапная мысль на Акрополе — тесно взаимосвязаны. Первый из них легче понять, и он, возможно, поможет нам объяснить второй.

Переживание в Триесте, как я полагаю, также выражает лишь неверие. "Нам следует увидеть Афины? Но это не выйдет, слиш-

ком сложно". Тогда последующее ухудшение настроения соответствует сожалению о том, что это не выйдет. Ведь это было бы так прекрасно! И тут понимаешь, в чем здесь дело. Это случай, о котором англичане говорят: *"Too good to be true"*¹ и который с нами происходит очень часто. Случай того неверия, который постоянно наблюдается, когда мужчина удивляется радостному известию, что "попал в яблочко", выиграл приз, а девушка, что втайне любимый мужчина предстал перед родителями в качестве жениха, и т. д.

При констатации какого-либо феномена, естественно, сразу возникает вопрос о его причинах. Подобное неверие является, очевидно, попыткой отвергнуть часть реальности, но в таком отвержении есть что-то странное. Мы бы вовсе не удивились, если бы такая попытка была направлена против части реальности, угрожающей доставить нам неприятность; на это, так сказать, настроен наш психический механизм. Но откуда подобное неверие во что-то, что, наоборот, сулит нам огромное удовольствие? Действительно, парадоксальное поведение! Но я вспоминаю, что уже и раньше как-то рассматривал сходный случай с людьми, которые, как я выразился, "терпят крах при успехе". Обычно заболевают из-за отказа от влечения, из-за неисполнения жизненно важной потребности или желания; но у этих личностей все наоборот, они заболевают и чахнут оттого, что их самое сильное желание исполнилось. Однако противоположность этих двух ситуаций не так велика, как кажется поначалу. В упомянутом странном случае внутренний отказ от влечения занял место внешнего отказа. Счастье не допускается, внутренний отказ приказывает придерживаться внешнего запрета желания. Но почему? Потому, так в ряде случаев звучит ответ, что люди не могут ожидать от судьбы такого подарка. Значит, опять *"too good to be true"*, выражение пессимизма, значительный элемент которого, видимо, несут в себе многие из нас. И в других случаях, как и в тех, когда "терпят крах при успехе", таким элементом является чувство вины или неполноценности, которое можно перевести так: "Я недостойно такого счастья, я не заслуживаю его". Но обе мотивировки, по сути, одинаковы, одна — всего лишь иное написание другой. Ведь как давно из-

¹ *Слишком хорошо, чтобы быть правдой (англ.). — Примеч. пер.

вестно, судьба, от которой ждут столь плохого обращения, — это материализация нашей совести, сурового "Сверх-Я" внутри нас, в котором сконцентрирована карающая инстанция нашего детства.

Это, я думаю, объясняет наше поведение в Триесте. Мы не могли поверить, что нам предстоит радость увидеть Афины. Свообразие нашей реакции определило то, что часть реальности, которую мы стремились отвергнуть, была сначала только возможностью. Когда мы затем стояли на Акрополе, возможность стала реальностью и былое неверие проявилось теперь в измененном виде, но достаточно отчетливо. Без искажения оно, вероятно, звучало бы так: "Я бы в самом деле никогда не поверил, что мне удастся увидеть Афины собственными глазами, как, вне всякого сомнения, происходит сейчас!" Когда я вспоминаю, какое пылкое желание путешествовать и увидеть мир овладевало мной в гимназические годы и позднее и как поздно оно начало осуществляться, я не удивляюсь его последствиям на Акрополе; мне тогда было сорок восемь лет. Я не спросил своего младшего брата, испытал ли он тогда что-то подобное. Некая опасливость окружала все событие, она уже в Триесте препятствовала нашему обмену мыслями.

Но если я правильно разгадал смысл моей неожиданно возникшей на Акрополе мысли, что я приятно удивлен тем, что все же нахожусь в том самом месте, то возникает следующий вопрос: почему этот смысл приобрел в моей мысли такое искаженное запутывающее облачение?

Существенное содержание мысли сохранилось даже и в искажении, это — неверие. "По свидетельству моих чувств, я сейчас стою на Акрополе, только не могу в это поверить". Однако это неверие, это сомнение в части реальности двояко смещается в высказывании, во-первых, перемещаясь в прошлое, во-вторых, переносясь с моего отношения к Акрополю на само существование Акрополя. Таким образом, фактически утверждается, что я когда-то раньше сомневался в реальном существовании Акрополя, но это моя память отвергает как неверное, да и невозможное.

Оба искажения представляют собой две независимые друг от друга проблемы. Можно попытаться проникнуть глубже в процесс искажения. Не излагая подробнее, как я к этому пришел, исхожу из того, что первоначальным должно было быть ощу-

щение нереальности и недостоверности той ситуации. Ситуация включает мою персону, Акрополь и мое восприятие оною. Я не могу определить, в чем я сомневаюсь, ведь я не могу усомниться в своих чувственных впечатлениях от Акрополя. Но вспоминаю, что в прошлом сомневался в чем-то, связанном как раз с этой местностью, и, таким образом, обретаю информацию, чтобы перевести сомнение в прошлое. Но при этом сомнение меняет свое содержание. Я не просто вспоминаю о том, что в ранние годы сомневался, увижу ли я Акрополь собственными глазами, а утверждаю, что тогда вообще не верил в реальность Акрополя. Как раз из этого результата искажения я делаю вывод о том, что та ситуация на Акрополе содержала элемент сомнения в реальности. Мне до сих пор явно не удалось прояснить данный процесс, а потому в заключение коротко скажу, что вся кажущаяся запутанной и трудно описываемой психическая ситуация легко распутывается при предположении, что тогда у меня на Акрополе на мгновение было или могло быть чувство: *то, что я вижу здесь, — нереально*. Это называют "чувством отчуждения". Я попытался избавиться от него, и это удалось мне ценой ложного высказывания о прошлом. Эти отчуждения — очень странные, пока мало понятные феномены. Их называют и чувствами, но это явно сложные процессы, связанные с определенным содержанием и решениями по поводу данного содержания. Очень частые при определенных психических заболеваниях, они знакомы и нормальному человеку, скажем, в виде случайных галлюцинаций у здоровых людей. Но они же определенно являются результатом промаха, у них ненормальная структура, как у сновидений, которые, невзирая на их регулярное появление у здорового человека, расцениваются нами как примеры расстройства психики. Эти отчуждения наблюдают в двух формах; либо нам кажется чуждой часть реальности, либо часть собственного "Я". В последнем случае говорят о "деперсонализации"; отчуждения и деперсонализации тесно связаны. Существуют другие феномены, в которых мы вроде бы можем признать их позитивные противоположности, так называемые "Fousse Reconnaissance", "Déjà vu", "Déjà raconté"^{1*}, иллюзии, при которых мы

^{1*} "Ложное узнавание", "уже виденное", "уже услышанное" (фр.). — Примеч. пер.

пытаемся воспринять что-то как принадлежащее нашему "Я", подобно тому как при отчуждениях мы стараемся от чего-то освободиться. Наивно-мистический, непсихологический подход к объяснению стремится использовать феномен Déjà vu как доказательство прежнего существования нашего психического "Я". От деперсонализации путь лежит к чрезвычайно странному феномену "Double Conscience", который правильнее называть "раздвоение личности". Все это еще настолько туманно, настолько слабо обработано наукой, что я вынужден запретить себе дальше обсуждать это перед Вами.

Моя цель будет достигнута, если я вернусь к двум общим свойствам феноменов отчуждения. Первое: все они служат для защиты, стремятся что-то удалить от "Я" или вообще отвергнуть его. Тут к "Я" с двух сторон приближаются новые элементы, от которых требуется защита: мысли и побуждения, возникающие в "Я" из реального внешнего и из внутреннего миров. Возможно, данная альтернатива обеспечивает различие между собственно отчуждениями и деперсонализациями. Существует чрезвычайное множество способов, мы скажем — механизмов, которыми наше "Я" пользуется при осуществлении самозащиты. В моем ближайшем окружении теперь продолжается работа, связанная с изучением таких методов защиты; моя дочь, детский психоаналитик, пишет книгу как раз об этом. Наше погружение в психопатологию вообще берет свое начало от самого примитивного и самого основательного из этих методов — от "вытеснения". Между вытеснением и тем, что следует называть нормальной защитой от неприятного и невыносимого с помощью его признания, осмысления, оценки и целесообразных действий, располагается целый ряд способов поведения "Я" более или менее ярко выраженного патологического характера. Позвольте задержаться на одном логаричном случае такой защиты? Вам знаком известный плач испанских мавров "Au de mi Alhama", в котором говорится, как султан Боабдил воспринимает известие о падении его крепости Альгама. Он догадывается, что это поражение означает конец его правления. Но, не желая принять это как правду, он решает относиться к данному известию как к "поп агтивé"¹*. Строчка гласит:

Cartas le fueron venidas,
de que Alhama era ganada.
Las cartas echó en el fuego
y al mensagero mataba²*

Легко догадаться, что в таком поведении султана присутствует потребность действовать наперекор чувству собственного бессилия. Сжигая письма и приказывая убить гонца, он все еще пытается продемонстрировать свое всемогущество.

Второе общее свойство отчуждений, их зависимость от прошлого, от богатства воспоминаний "Я" и от ранних неприятных переживаний, которые с тех пор, возможно, подверглись вытеснению, оспаривается. Но как раз мое переживание на Акрополе, переходящее в расстройство памяти, в фальсификацию прошлого, помогает нам выявить это влияние. Неправда, что в гимназические годы я сомневался в реальном существовании Афин. Я сомневался только в том, что смогу увидеть Афины. Путешествовать так далеко, "так преуспеть" — казалось, выходило за пределы моих возможностей. Это находилось в прямой связи с ограниченностью и скудостью моих жизненных условий в пору юности. Страстное желание путешествовать было, конечно, также выражением желания вырваться из-под этого гнета, что сродни тому стремлению, которое заставляет многих подростков убежать из дому. Мне давно стало ясно, что значительная часть удовольствия от путешествия заключается в осуществлении этого раннего желания, а значит, коренится в недовольстве домом и семьей. Когда впервые видишь море, пересекаешь океан, познаешь на собственном опыте реальность города и страны, которые так долго были далекими, недостижимыми предметами желания, то чувствуешь себя героем, совершившим невероятно великие подвиги. Я мог бы тогда на Акрополе спросить своего брата: "Ты еще помнишь, как мы в юности день за днем ходили одним и тем же путем с... улицы в гимназию, а каждое воскресенье — в Пратер или на пикник, которые были нам уже так хорошо известны, а теперь мы в Афинах и стоим на Акрополе! Мы действительно преуспели! И если уж можно сравнить столь малое с великим, разве не обратился Наполеон I во время коронации в Нотр-Дам к одному из своих

²*Ему принесли донесение, что захвачена Альгама, он велит сжечь его, а гонца убить (исп.). — Примеч. пер.

¹*"не прибывшему" (англ.). — Примеч. пер.

братьев (это, вероятно, был старший, Жозеф) и не заметил: "Что бы сказал на это Monsieur notre Père¹", если бы он мог сейчас присутствовать при этом?"

И здесь мы наталкиваемся на решение маленькой проблемы, почему мы уже в Триесте портили себе удовольствие от путешествия в Афины. Должно быть, с удовлетворением потребности "преуспеть" тесно связано чувство вины; в этом есть что-то неправильное, что запрещено испокон века. Это связано с детским критическим отношением к отцу, с презрением, которое сменило раннюю детскую переоценку его личности. Дело выглядит так, будто в успехе главное — "преуспеть" больше, чем отец, и как будто все еще запрещается стремление превзойти отца.

К этому универсальному мотиву в нашем случае добавляется особый момент; в теме Афин и Акрополя содержится намек на превосходство сыновей. Наш отец был торговцем, у него не было гимназического образования, Афины мало что могли значить для него. То, что мешало нам наслаждаться поездкой в Афины, было, таким образом, чувством *ниетета*. А теперь Вы уже не станете удивляться тому, что воспоминание о переживании на Акрополе посещает меня так часто с тех пор, как я сам стал стар и нуждаюсь в снисхождении и более не могу путешествовать.

С сердечным приветом к Вам, Ваш

Зигм. Фрейд

Январь 1936 г.

¹*Господин наш отец (*фр.*). — *Примеч. пер.*